

- Grajetzki W.* 2001: Two Treasurers of the Late Middle Kingdom (BAR International series, 1007). L.
- Hayes W.C.* 1947: Horemkhauef of Nekhen and his Trip to It-Towe // JEA. 33, 3–11.
- Lange H.O., Schäfer H.* 1908: Grab- und Denksteine des Mittleren Reiches im Museum von Kairo. T. 2: Text zu No. 20400–20780 (Catalogue général des antiquités égyptiennes du Musée du Caire [Vol. 36]). B.
- Legrain G.* 1901: Notes prises à Karnak // RecTrav. 23, 62–65.
- Leprohon R.J.* 2008: Stefanović D. The Holders of Regular Military Titles ... // BiOr. 65, n. 5–6, 650–653.
- Marée M.* 2010: A Sculpture Workshop at Abydos from the Late Sixteenth or Early Seventeenth Dynasty // The Second Intermediate Period (Thirteenth-Seventeenth Dynasties): Current Research, Future Prospects / M. Marée (ed.) (Orientalia Lovaniensia Analecta, 192). Leuven, 241–282.
- Martin G.T.* 2005: Stelae from Egypt and Nubia in the Fitzwilliam Museum, Cambridge, c. 3000 BC–AD 1150. Camb.
- Quirke S.* 1986: The Regular Titles of the Late Middle Kingdom // RdE. 37, 107–130.
- Spiegel J.* 1955: Erwähnung unbekannter Personen auf Denksteinen des Mittleren Reiches // Ägyptologische Studien / O. Firkow (Hrsg.) (Veröffentlichungen / Institut für Orientforschung, 29). B, 315–321.
- Stefanović D.* 2003: The Title *mr t3-mḥw* in the Middle Kingdom Documents (Српско археолошко друштво. Посебна издања, 1). Belgrade.
- Stefanović D.* 2006: The Holders of Regular Military Titles in the Period of the Middle Kingdom: Dossiers. L.
- Ward W.A.* 1986: Essays on feminine Titles of the Middle Kingdom and the related Subjects. Beirut.

A.A. Ильин-Томич,
аспирант исторического факультета
МГУ им. М.В. Ломоносова

© 2011 г.

ИЗ ЛИТЕРАТУРЫ ПО ИСТОРИИ МИЛЕТА

Несмотря на важную роль, которую играл Милет в древности, особенно в период с середины VIII до конца V в. до н.э., а также на значимые результаты проводимых с конца XIX в. раскопок¹, работ, посвященных всеобъемлющему изложению истории Милета, не так уж много. Вышедшая небольшим тиражом в 1915 г. книга А. Данхэм², в которой рассматриваются различные вопросы истории полуса, не стала достоянием широкой научной общественности. В течение долгого времени основой практически для всех очерков по истории Милета служила фундаментальная статья «Милет» в энциклопедии Паули–Виссова³. За время, прошедшее с момента их выхода, появились публикации по отдельным вопросам истории и археологии Милета. Милет также попадал в поле зрения ученых, занимавшихся более общими проблемами истории архаической Греции⁴, Ионии⁵, греческой торговли и колонизации⁶, но обобщающего труда, посвященного истории Милета, не было. В последнее десятилетие ситуация коренным образом изменилась: вышли в свет две монографии по истории и

¹ Результаты раскопок Берлинского музея в Милете и его окрестностях опубликованы под общим заголовком: *Milet. Königliche Museen zu Berlin. Ergebnisse der Ausgrabungen und Untersuchungen seit dem Jahre 1899–1929.* Th. Wiegand (Hrsg.) – с указанием авторов отдельных исследований, например: *Wiegand, Wilski* 1906; *Knackfuss* 1908; *Kawerau, Rehm* 1914 и т.п. Затем публикация результатов раскопок и надписей была продолжена в этой серии, см., например: *Kraus* 1973; *Rehm, Herrmann* 1997; *Herrmann* 1998. Результаты археологических исследований также публиковались на страницах периодических изданий: *American Journal of Archaeology*, *Türk Arkeoloji Dergisi*, *Istanbuler Mitteilungen*, *Archäologischer Anzeiger* и др.

² *Dunham* 1915 (non vidi).

³ *Hiller von Gaertringen* 1932.

⁴ Назову некоторые работы, в которых Милету (в основном политической истории) уделено значительное внимание: *Andrewes* 1956; *Berve* 1967; *Hammond* 1967; *Jeffery* 1976; *Murray* 1980; *Libero de* 1996 и др.

⁵ *Cook* 1962; *Huxley* 1966.

⁶ *Bilabel* 1920; *Roebuck* 1959; *Boardman* 1980; *Ehrhardt* 1983.

археологии Милета⁷, опубликованы материалы международного симпозиума по древней Ионии⁸, монография М.Ю. Лаптевой по Ионии⁹, в которой значительное место отведено истории Милета. Стимулом для появления этих работ послужили уникальные результаты, полученные археологами в ходе раскопок Милета в 90-е годы XX в. с применением новейшей техники, которая позволила ученым исследовать более детально не только архаические¹⁰, но и самые ранние слои Милета. Благодаря археологическим открытиям значительно пополнились наши знания и существенно изменились представления о древнейшем (до ионийской миграции) периоде истории Милета. Наиболее важные публикации по археологии и истории Милета второй половины IV – конца II тыс. до н.э., послужившие основой работ последующих исследователей, принадлежат перу немецкого ученого В.-Д. Нимайера¹¹.

В двух статьях Нимайера¹², вошедших в сборник материалов международного симпозиума по древней Ионии, а также в монографии А.М. Гривса¹³ в концентрированном виде представлены важнейшие археологические открытия 90-х годов XX в., относящиеся к самому раннему этапу истории Милета, их интерпретация, а для микенского времени – сопоставление с данными хеттских клинописных текстов. В этих работах также предложена новая периодизация древнейшей истории Милета. Самые ранние свидетельства существования поселения в Милете теперь датируют эпохой позднего халколита (вторая половина IV тыс. до н.э. = Милет I), затем следуют, сменяя друг друга, слои раннего бронзового века (III тыс. до н.э. = Милет II) и среднего бронзового века (ок. XX – вторая половина XVIII в. до н.э. = Милет III), наличие которых ранее не предполагалось¹⁴. С поселением Милет IV (вторая половина XVIII – середина XV в. до н.э.) ассоциируется пик минойского влияния в Милете: найдены фрески, святилище, предметы культа, надписи линейного письма А (на гончарных изделиях; табличек не найдено), три печати, оттиск печати и гирька (вес ее соответствует минойской весовой системе). Печати, оттиск, гирька и линейное письмо А интерпретируются исследователями как свидетельства существования элементов административной системы минойского образца¹⁵. Поселение погибло в результате землетрясения, которое связывают с извержением вулкана на о-ве Фера.

Вопрос о роли и значении Милета в минойский период всегда был дискуссионным, выводы ученых варьировались: от рассмотрения Милета как одной из контактных зон до признания его значительным минойским поселением. Полученные в ходе последних раскопок материалы актуализировали этот вопрос. Нимайером были разработаны критерии для определения степени минойзации любого поселения. И хотя в Милете не найден некрополь минойского времени, все остальные признаки присутствуют, что позволяет сделать вывод о Милете как о минойском поселении. В соответствии с разработанными моделями колониальных поселений Милет предлагается относить к «поселенческим колониям» (settlement colony)¹⁶.

Распространение микенской культуры связано с поселениями Милет V (вторая половина XV – конец XIV в. до н.э.) и Милет VI (ок. 1300 – ок. 1100 г. до н.э.). Вопросы об отождествлении Милета с упоминаемой в хеттских источниках Миллавандой/Милаватой, а также о ее локализации в течение долгого времени были предметом научной дискуссии; на сегодняшний день большинство ученых согласны в том, что Миллаванда и есть Милет, так как поселение Милет VI демонстрирует признаки значительного микенского влияния¹⁷, хотя степень этого влияния трудно оценить, пока не опубликованы все материалы¹⁸. Микенское присутствие в Милете не так явно доказано по сравнению с минойским, поскольку многие важные находки несут на себе печать анатолийского влияния. Так, например, раскопанные дома сложены в микенской строительной технике, а возведенная оборонительная стена имеет хеттский облик¹⁹; находки фигурок типа *пси* и *фи* говорят

⁷ Gorman 2001; Greaves 2002.

⁸ Frühes Ionien 2007.

⁹ Лаптева 2009.

¹⁰ Результаты раскопок архаических слоев Милета посвящены статьи: Senff 2007, Weber 2007, Lohmann 2007, Tuchelt 2007.

¹¹ См. библиографию: Frühes Ionien 2007.

¹² Niemeier 2007a; 2007b.

¹³ Greaves 2002.

¹⁴ Niemeier 2007a, 5–6; Greaves 2002, 40.

¹⁵ Niemeier 2007a, 10–11; Greaves 2002, 46–47.

¹⁶ Greaves 2002, 67–68.

¹⁷ Greaves 2002, 68–69.

¹⁸ Greaves 2002, 58.

¹⁹ См. подробнее: Niemeier 2007a, 15; 2007b, 83–84.

о микенском влиянии в области религии, а роспись ритуального сосуда выполнена в стиле хеттской иконографии; в микенских погребениях обнаружены мечи хеттского образца²⁰. Тем не менее общий вывод ученых сводится к тому, что Милет был наиболее важным центром микенской культуры на побережье Анатолии и играл значительную роль в политических событиях в регионе, о которых сообщают хеттские тексты.

Периоду «темных веков» уделено значительное место в монографии М.Ю. Лаптевой. В комплексе проблем преемственности цивилизаций Греции II и I тыс. до н.э. автор рассматривает вопрос о сохранении и трансформации социально-политических институтов на примере ионийской базилией. Лаптева ставит своей задачей выявить направления деятельности ионийских базилеев, определить истоки и особенности их властного статуса, пути дальнейшего развития базилией (с. 196). Рассматривая данные античной традиции, Лаптева приходит к традиционному выводу об основных функциях базилеев: военной, жреческой и судебной (с. 203). Что же касается властного статуса ионийских базилеев, то автор не считает возможным признать ионийскую базилией вариантом монархического устройства, поскольку, по ее мнению, существовала практика избрания базилеев (с. 204–205). Однако далее выясняется, что речь идет не о принципе передачи власти, а лишь об избрании ойкиста во время ионийской миграции, а власть все-таки наследуется. Ведь Лаптева замечает, что «...в конкретных условиях становления политической организации Ионии... наряду с явным исчезновением политических институтов микенских государств, можно заметить такую особенность микенской монархии, как сохранение принципа наследования власти афинского рода Нелеидов–Кодридов» (с. 207), а также, что «...вместе с властными полномочиями и привилегиями передаются по наследству и экономические преимущества базилеев» (с. 208). Тогда не совсем понятно, почему базилией (со всеми ее ограничениями и особенностями) нельзя считать монархией. Говоря о последующей истории ионийской базилией, Лаптева приводит четыре варианта ее завершения: 1) дальнейшее существование как олигархии привилегированных родов; 2) замена базилией аристократическим правлением более широкого круга знати; 3) свержение базилией и установление ранних тиранических режимов вопреки воле народа и традициям; 4) трансформация базилией в органы политической власти (с. 212). На самом деле вариант ее завершения один – упразднение власти базилеев и наследственного принципа ее замещения и замена ее выборными сменяемыми магистратурами, доступ к которым получила усилившаяся аристократия. Этот процесс очень четко и детально разобран И.Е. Суриковым²¹, работа которого в рассматриваемой книге фигурирует в списке литературы.

Милет приводится в качестве примера третьего варианта завершения базилией. Сведения о падении царской власти донесла до нас легендарная традиция в передаче мифографа Конона (FGrH 26 F1, 44) и Николая Дамаского (FGrH 90 F 52). Лаптева, неоднократно пересказывая эти свидетельства традиции, ни разу не подвергла анализу и критике информацию, передаваемую этими авторами, и не упомянула о существовании различных трактовок их сведений²². Дело в том, что употребляемые Николаем Дамаским термины, среди которых и «тирания», признаны анахронизмами – соответственно не приходится говорить о замене власти базилеев тираническим режимом Амфитрета²³ как варианте завершения базилией (Милет (с. 209). Пришедшее на смену власти Нелеидов правление автор со ссылкой на Аристотеля (Pol. V. 4. 5, р. 1305a) называет пританией (с. 209). По этому поводу следует отметить следующее: во-первых, Аристотель в цитируемом пассаже пишет не совсем так, а именно: «...так, в Милете тирания возникла из притания...», и это обычно относят к тирании Фрасибула (о чем и написано далее, на с. 320), а во-вторых, вопрос о том, какая магистратура пришла на смену царской власти Нелеидов, – дискуссионный и решается совсем не так однозначно²⁴, как представляет это дело Лаптева.

Милету архаической эпохи как одному из ведущих полисов не только Ионии, но и материковой Греции Лаптева уделяет значительное внимание. Рассматривая облик архаического города с привлечением данных археологии, автор пришла к выводу, что Милет, как и Смирна, был застроен по регулярному плану, со ссылками на работы М.М. Кобылиной и А. Гривса²⁵. Действительно в работе Кобылиной говорится, что «...новейшие раскопки (при этом Кобылина цитирует работу А. Геркана 1940 г.²⁶ – Е.С.) установили, что некоторые части архаического города имели регулярную планиров-

²⁰ Greaves 2002, 57–64.

²¹ Суриков 2005, 29–33.

²² См. подробный разбор традиции и мнений: Gorman 2001, 90–95.

²³ О том, что правление Амфитрета не тирания, см. Берве 1997, 128.

²⁴ См. дискуссию: Gorman 2001, 90–101; Борухович 1985, 19–23.

²⁵ Лаптева 2009, 220, прим. 11, 14.

²⁶ Gerkan 1940, 323, 325.

ку»²⁷. Однако в работе Гривса 2002 г. на с. 79–82, на которые ссылается Лаптева, написано прямо противоположное. Так, на с. 79 Гривс пишет: «The recent excavations on the southern slopes of Kalabaktepe tell us a great deal about the urban life in Archaic Miletos, but *there is no indication that this part of the city was planned along the lines proposed by Hippodamus*» и далее на той же странице: «...Even on the flatter east terrace of Kalabaktepe, *there does not appear to have been any adherence to a grid plan*», а также на с. 81: «The lower part of the town... may be expected to display elements of Hippodamian planning, *but does not...*» (курсив везде мой. – Е.С.). Соответственно приводимые цитаты никак не могут служить подтверждением точки зрения Лаптевой.

В рамках проблем социально-политического развития архаической Ионии Лаптева рассматривает вопросы о взаимоотношениях аристократии и демоса, гражданского стасиса, о средствах преодоления социального кризиса, в число которых включен и «институт эсимнетии». Из предшествующего изложения автора можно составить себе представление о том, какой была ионийская аристократия, но никак не «демос» архаической эпохи в его социальном плане. Соответственно бездоказательным выглядит тезис автора о демосе как «активной политической силе» в период ранней архаики (с. 308). Чтобы подчеркнуть значительное влияние аристократии и ее авторитет в обществе (это положение совершенно справедливо), Лаптева без всякой дополнительной аргументации приводит устаревшее и спорное мнение Дж. Бэррона о том, что род Нелеидов возвращался к власти в Милете в 450/9 и 446/5 г. (с. 287, прим. 27), хотя в работе В. Горман, которую Лаптева периодически цитирует, дана ссылка на работы с критикой как этой точки зрения Бэррона, так и того просопографического анализа, на котором она основывается²⁸.

Наиболее ярким примером социальных противоречий архаической эпохи считается гражданский стасис в Милете, сведения о котором сохранились в нарративной традиции. Лаптева подробно излагает данные письменных источников о нем и приводит различные взгляды исследователей о том, как понимать обозначения борющихся сторон (*плутис, аййнаваты, хейромаха*) (с. 311–317)²⁹. Говоря о времени распрей в Милете, автор резюмирует сведения источников таким образом: «Все авторы рисуют один и тот же период в истории архаического Милета. Они отмечают, что все события происходили после побед над скифами, тирании Фрасибула, а затем – тирании Фоанта и Дамасенора, но до периода наивысшего расцвета Милета...» (с. 312). В источниках есть указания на то, что, все происходило до периода расцвета, но что после тирании Фрасибула – ни в одном источнике нет такой привязки этих событий, именно поэтому вопрос о датировке гражданского стасиса дискуссионный, причем существуют, по крайней мере, две версии его датировки³⁰. Можно заметить, что Лаптева придерживается традиционной версии датировки стасиса (временем после тирании Фрасибула) и не согласна с датировкой, предлагаемой Горман (подробнее см. об этом ниже). Лаптева искажает приводимые Горман аргументы в пользу иной датировки этих событий, ошибочно называя неверным ее перевод фразы из Геродота³¹ (с. 311, прим. 79) и отрицая в связи с этим предложенное американской исследовательницей понимание характера стасиса как затяжного. Кроме того, ей приписывается мнение о недостоверности сообщения о борьбе гергитов и демотов Гераклита Понтийского³² (с. 312, прим. 81). На самом деле аргументы Горман заключаются, во-первых, в передатировке списка эсимнетов в сторону удвращения и, во-вторых, действительно, на признании длительного характера стасиса («в течение двух поколений»), который не вписывается в рамки VI века до н.э. Лаптева считает, что события отличались большим динамизмом, а фразу из Геродота (V. 28) – ἐπὶ δύο γενεάς – переводит: «за два поколения» (с. 311); однако в словаре LSJ, s.v. ἐπὶ C. with Acc.: II of Time, «for or during a certain time», т.е. пе-

²⁷ Кобылина 1965, 54.

²⁸ Gorman 2001, 232, п. 44.

²⁹ Детальное рассмотрение сведений античной традиции и позиций современных исследователей по этому вопросу см. Gorman 2001, 101–110.

³⁰ См. подробнее об этом Gorman 2001, 115–121.

³¹ Herod. V. 28: ἡ Μίλητος... κατέλυθε δὲ τούτων ἐπὶ δύο γενεάς ἀνδρῶν νοσήσασα ἐς τὰ μάλιστα στάσι...

³² Сообщение Гераклита Понтийского Горман рассматривает как «вызывающее сомнения» и приводит развернутую аргументацию этого тезиса с опорой на исследование Дж. Фонтенроуза (Fontenrose 1978; 1988), который отнес это сообщение к разряду «квази-исторических» оракулов (Gorman, 2001, 102–107). Кроме того, это сообщение Гераклита Понтийского не имеет никакого отношения к вопросам датировки, поскольку в нем не упоминается ни один исторический персонаж или событие, с которым можно было бы соотнести описываемые распри, соответственно и не используется Горман как аргумент в пользу передатировки стасиса.

ревод Горман верный³³. Вопрос о передатировке списка эсимнетов даже не упоминается Лаптевой. Можно не соглашаться с точкой зрения Горман, но для ее критики все-таки нужны более веские аргументы.

Одним из средств преодоления кризисных ситуаций в архаическую эпоху, по мнению Лаптевой, был институт эсимнетии, который, по ее определению, был путем мирного, рационального устройства внутриполисных дел (с. 318). Затем следует краткий пересказ сведений Аристотеля об эсимнетии, которую он определял как «выборную тиранию». Нелишним было бы проанализировать как данные, так и метод Аристотеля (или хотя бы привести существующие в науке мнения по этому вопросу³⁴), так как до него ни один из авторов, кроме Гомера, не писал об эсимнетии; кроме того, Аристотель является зачинателем теории об эсимнетии как выборной тирании, которую некоторые современные ученые трактуют как экстраординарную магистратуру. Далее Лаптева переходит к эпиграфическим источникам из Милета, в которых эсимнетия засвидетельствована в качестве эпонимной должности (с. 319). Чтобы как-то увязать эпонимную магистратуру с институтом посредничества автор пишет, что «...древность, авторитет и сакральный характер института мольпов, а вместе с ним и эсимнетов, обусловили обращение к нему милетян в кризисную для государства пору...» (с. 319). Однако хорошо известно, что устроителями внутриполисных дел в Милете после стасиса были не эсимнеты, а паросцы (об этом пишет и Лаптева на с. 311), реорганизовавшие милетскую общину, которые у Геродота (V. 28) названы словом *καταρτιστήρες*, следовательно, логичнее было бы называть институт посредничества катартистерией, а не эсимнетией.

Лаптева обращает внимание на то, что в архаическом Милете «...были также эсимнеты, не связанные с мольпами», ссылаясь на сведения Николая Дамасского о борьбе Нелеидов и выборах Эпимена эсимнетом, при этом искажая данные источника³⁵. Автор не упоминает, что некоторые исследователи, которых она неоднократно цитирует, усматривают в избрании Эпимена эсимнетом начало эпонимата эсимнетов мольпов³⁶.

Таким образом, несмотря на то что работа М.Ю. Лаптевой самая последняя из рассматриваемых по дате выпуска, можно заметить, что по основным проблемам в отношении истории Милета автор придерживается традиционных, а порой просто устаревших, точек зрения, не приводя никаких дополнительных аргументов в их пользу. Что же касается предлагаемых в научной литературе новых подходов и версий решения проблем, то Лаптева либо вовсе их не учитывает или, в случае несогласия с высказанными мнениями, пытается дискутировать с ними, при этом искажая как чужую точку зрения, так и ее аргументацию.

Монография В. Горман «Милет, краса Ионии. История города до 400 г. до н.э.», хотя и опубликована впервые в 2001 г., тем не менее пока остается единственной, посвященной именно истории Милета. А. Гривс справедливо считает ее примером исторических исследований, в отличие от работ по археологии Милета³⁷, поэтому стоит остановиться на ней подробнее.

Автор поставила себе задачу собрать, проанализировать источники по истории Милета и дать их интерпретацию начиная с первых признаков обитания и до 400 г. до н.э. (с. 10). Опираясь во многом на достижения своих предшественников, а также пытаясь избежать некоторых их недочетов и ошибок, Горман подвергла ревизии многие устоявшиеся точки зрения и предложила новые подходы к решению традиционных вопросов.

Во Введении дается краткое описание географического положения Милета, подчеркиваются его преимущества как с точки зрения обороны, так и развития внешних контактов, что было замечено еще в глубокой древности. Горман обращает внимание на то, что такое географическое положение не только сулило выгоды, но и таило в себе опасность, что проявилось в неоднократных захватах Милета восточными державами – Хеттской, Лидийской, Персидской. В начале книги (с. 2–4) автор дает описание современной топографии местности, сравнивая ее с древней, и краткую историю археологического изучения Милета. Затем следует общая характеристика нарративной традиции, поскольку детальному разбору литературных, эпиграфических и археологических данных уделено значительное внимание в основной части.

³³ Эту фразу так же, как Горман, переводит и понимает Гривс (2002, 95), хотя он приверженец традиционной датировки событий VI в. до н.э.

³⁴ См. Romer 1982.

³⁵ Так, Лаптева пишет: «Эпимен начинает расправу над сыновьями Амфитрета и его сообщниками, казнь их, изгоняя и конфискуя имущество» (2009, 320). У Николая Дамасского в приводимом пассаже сказано, что Эпимен не смог захватить ни одного из сыновей Амфитрета, поскольку те из страха обратились в бегство (FGrH 90 F 53).

³⁶ См. об этом Борухович 1985; Фролов 1986.

³⁷ Greaves 2002, 75.

В главе I «Основания» рассматриваются сведения мифологической традиции и данные археологии по ранней истории Милета, которые позволяют воссоздать картину его тысячелетнего существования в период с приблизительно 1700 г. до н.э. по 700 г. до н.э. (с. 14). Параграф 1 «Местное население и город бронзового века» посвящен анализу античной традиции об автохтонном населении. Претендентов на эту роль, судя по мифологической традиции, было несколько. Традиционно карийцы считались таковыми, однако приводимые Горман данные археологии и лингвистики свидетельствуют о том, что карийцы – не автохтонное индоевропейское население (с. 17). Кроме карийцев наиболее часто в античной традиции упоминаются лелеги. Автор высказывает предположение, что греческие авторы использовали название «лелеги», как и название «пеласги» в качестве общего обозначения для догреческого населения Греции и Малой Азии (с. 17). Историю Милета с эпохи халколита до ионийской миграции Горман излагает, опираясь на публикации археологических материалов и их интерпретации В.-Д. Нимайером и следуя в основном его выводам. Автор обращает внимание на результаты раскопок середины 90-х годов XX в., опровергающие мнение ученых о существовании царского дворца в Милете в микенское время: стены того здания, что считалось ранее мегароном, на самом деле относятся к разным строительным периодам архаической эпохи (с. 25).

Следующий параграф «Ионийское основание» посвящен рассмотрению мифологической традиции основания Милета ионийцами, которое датируется серединой XI в. до н.э. (с. 31). Горман, подробно разбирая традицию о Нелее – основателе Милета, приходит к выводу, что пропагандируемая литературными источниками связь афинского Нелея со знаменитым пилосским Нелеем – фабрикация, основанная на идентичности имен (с. 33). Историческим ядром мифов, по мнению автора, является лидирующая роль Афин в ионийской колонизации, что подтверждается близостью диалектов, социальных институтов (фил), календаря, керамики (с. 34–40). В параграфе «Милетская территория» Горман дает описание территории и границ хоры Милета, а также его ближайших соседей: Иасоса, Ассеса, Тейхиуссы, карийских деревень.

В главе II «Торговля и колонизация», в параграфе «Торговля» приведены сведения нарративной традиции о товарах, которыми прославился Милет в древности. Но поскольку конкретных данных о торговле в архаическую эпоху мало, то Горман ограничивается общими рассуждениями о причинах и обстоятельствах развития торговли Милета (с одной стороны, ограниченные возможности собственной хоры, с другой – наличие того, что можно предложить в обмен; взаимоотношения с Лидией, послужившие мощным стимулом для чеканки собственной монеты; ограниченные возможности сухопутной торговли, связанные с транспортировкой товаров, отсюда обращение к заморской торговле; раннее освоение близлежащих островов из группы Спорад; установление дружественных отношений с крупными островными государствами) (с. 47–53).

В параграфе «Колонизация» Горман приводит господствующие точки зрения на причины колонизации, отмечая бесполезность поисков какой-то одной исключительной причины, поскольку они варьировались в зависимости от ситуации и времени в различных метрополиях, а также от местоположения колонии (с. 60). Автор подробно останавливается на роли и функциях ойкистра (с. 61–62). После обзора сведений источников о самых ранних милетских колониях – Кизике и Синопе – и количестве выведенных Милетом колоний (с. 63–66) Горман все же пытается выделить основную причину колонизации для Милета. По ее мнению, это торговый интерес, ведь трудно представить, чтобы город, основавший 45 или более колоний, просто пытался избавиться от излишка населения, – совершенно очевидно, что Милету приходилось рекрутировать добровольцев из других городов для пополнения контингента колонистов (с. 66). Горман присоединяется к мнению исследователей, считающих, что процесс колонизации был в основном мирным, так как Милет не был имперской державой и не обладал военной мощью, способной подчинить силой местное население – такое, как, например, скифы (с. 69).

В качестве заключения автор предлагает несколько общих наблюдений о милетской колонизации: 1) в основном Милет выводил колонии в районы Геллеспонта, Пропонтиды, Понта; милетских колоний на западе не было, как и не было до конца VI в. до н.э. в Северной Эгеиде; 2) нельзя рассматривать милетскую колонизацию как осуществляемую волнами или поэтапно; 3) пока Милет наряду с другими метрополиями участвовал в колонизации Геллеспонта и Пропонтиды, его колонии располагались по большей части вдоль южного берега – таким образом Милет смог контролировать азиатское побережье Пропонтиды; 4) хотя не было милетских колоний на самом Босфоре, но начиная с основания Синопы и до середины VI в. до н.э. Милет обладал монополией на колонизацию Черного моря (с. 71).

Следующий параграф «Милетские интеллектуалы» является логическим завершением этой главы, так как с развитием торговли и колонизации в Милет пришло процветание, породившее достаток, а затем и роскошь – основные составляющие для развития духовной жизни. Далее Горман приводит

сведения нарративной традиции о выдающихся милетянах: поэтах Арктине, Фокилиде, Тимофее, философах-досократиках Фалесе, Анаксимандре и Анаксимене.

Глава III «Архаический город» посвящена политической истории Милета и открывается параграфом «Ранние архаические магистратуры». Согласно мифологической традиции, Милетом управляли цари из династии Нелеидов, но так как нет достоверных свидетельств, то трудно сказать, насколько правдивы мифы описывают наследственную монархию. Горман приводит три основные теории относительно политических структур «темных веков», но поскольку в распоряжении исследователей явно недостаточно информации, то, по мнению автора, вопрос о статусе и характере власти царя остается открытым (с. 89). На смену монархии приходит олигархия, этот переход власти отражен в свидетельствах мифографа Конона и Николая Дамасского, которые автор подробно разбирает, пытаясь вычленив достоверную информацию о том, как называлась первая эпонимная магистратура.

Детальный анализ терминов, обозначающих форму власти (тиранию) и названия магистратур (эпимений, эсимнет), употребленных Николаем Дамасским, приводит исследовательницу к выводу, что они употреблены анахронично (с. 90–93, 95). Что же касается эсимнетии, то Горман вступает в дискуссию по вопросу о характере власти эсимнетов. Подвернув детальному разбору и критике точки зрения своих оппонентов и приведя веские аргументы, исследовательница приходит к обоснованным выводам о том, что магистратурой, пришедшей на смену царской власти, была не эсимнетия, а притания (с. 99–101); эсимнетия становится эпонимной с середины V в. до н.э. (с. 99); эсимнеты в Милете не обладали исключительными политическими полномочиями (с. 95, 98). В начале следующего параграфа «Тирания и олигархия» Горман отмечает, что из всех нашедших отражение в античной традиции событий лишь два имеют особую важность для исследователей: это тирания Фрасибула и тирания Гистией и Аристагора, так как они имеют точно определяемые хронологические привязки, вокруг которых можно выстраивать другие (с. 102). Далее автор приводит античные свидетельства о затяжке стасисе в Милете, подробно останавливается на сведениях о *гергутах*, *азйнавах*, *хейромахах* и трактовках современных исследователей значений этих названий, заключая, что пока ни одна из них не дает удовлетворительного объяснения (с. 102–110). Традиционно исследователи относят стасис, длившийся два поколения и закончившийся арбитражем паросцев, ко времени после правления Фрасибула, соотнося арбитраж со временем начала списка эсимнетов (с. 113), однако Горман не согласна с такой датировкой. Ее аргументация сводится к следующему: датировка посредничества паросцев обычно определяется временем начала списка эсимнетов, т.е. 525/4 годом до н.э., которая в свою очередь основана на допущении, что список был непрерывным, но хорошо известно, что Милет был разрушен в 494 г. до н.э. и не существовал как политическая единица приблизительно до 479 г. до н.э., следовательно, начало списка эсимнетов надо отнести к 540/39 г. до н.э. (с. 115). Начав с передатировки списка, Горман идет дальше, предлагая передатировать и сам стасис, и паросское посредничество периодом до тирании Фрасибула (с. 120), так как, по ее мнению, это единственный промежуток времени, в который вписываются эти события без натяжек и который позволяет согласовать между собой свидетельства античной традиции и данные археологии (с. 115–121).

В главе IV «Ионийское восстание и повторное основание» первый параграф «Ионийское восстание» начинается с описания общего положения дел накануне восстания. Отмечается, что поначалу под персидским контролем Милет не бедствовал, хотя и не процветал, как считают некоторые исследователи, однако в итоге рост активности как соседних держав, так и некоторых греческих полисов положил конец его экономическому расцвету и бурной колонизационной деятельности (с. 129). В середине VI в. до н.э. традиционное олигархическое правление сменилось тираническим, причем поддерживаемые Персией тираны нанесли огромный вред гражданской жизни полиса, так как, в отличие от ранних греческих тиранов, у них не было широкой социальной опоры в родном полисе, а поскольку их власть целиком зависела от Персии, то главную заботой тиранов было угодить Персии, чтобы сохранить свою власть (с. 130, 132). Далее Горман излагает события, предшествующие восстанию (499 г. до н.э.), основываясь на сообщении Геродота. Автор подробно останавливается на эпизоде отказа Аристагора от тиранической власти и установлении исономии, подчеркивая, что термин употреблен анахронично и вряд ли он равнозначен «демократии», как полагают некоторые исследователи (с. 136). Вероятнее всего, установление исономии подразумевало доступ к политической власти более широких кругов граждан, это была не демократия, а скорее лозунг, предназначенный для получения поддержки граждан Милета. Основой изложения событий Ионийского восстания стали сведения Геродота. Горман останавливается особо на вопросе о роли Ионийской лиги в восстании и взаимоотношениях Аристагора с Лигой. Ее идея сводится к тому, что в самом начале восстания и в провокации Аристагора Лига увидела повод для осуществления своих властных полномочий и военных возможностей, взяв на себя руководящую роль в восстании (с. 141). Ионийское восстание

закончилось плачевно для Милета – город был разрушен до основания, население частично истреблено, частично депортировано (494 г. до н.э.), т.е. Милет перестал существовать как политическая единица (с. 145).

В параграфе «Повторное основание» Горман подвергает критике взгляды тех ученых на причину быстрого восстановления Милета в V в. до н.э., которые считают, что город никогда не лишался полностью своего населения (с. 145–146). В доказательство своей правоты исследовательница приводит археологические данные: на территории Милета не найдено ни одного фрагмента керамики, который можно было бы точно датировать периодом с 494 по 479 г. до н.э., но обнаружены следы массового разрушения и мощный слой пепла (с. 146). Восстановленный город по своему культурному облику не отличался от первоначального, а это означает, что у новых поселенцев были милетские корни. Поскольку очевидно, что число возвратившихся беженцев было незначительным, то возникает вопрос, откуда пришли остальные жители нового города. Горман полагает, что в основном это были выходцы из милетских колоний, о чем свидетельствуют договоры Милета с колониями об исополитии (с. 147).

Параграф «Ортогональная планировка» посвящен описанию новой планировки возрожденного города на основании планов, составленных археологами. Полное разрушение архаического города позволило применить полномасштабное планирование вновь отстраиваемого города. Последний параграф «Гипподам» посвящен развенчанию мифа о Гипподаме как изобретателе ортогональной планировки, созданного в эпоху Возрождения и основанного на сообщении Аристотеля (с. 154–155). Горман приводит аргументацию своей точки зрения. Во-первых, археологические данные свидетельствуют о том, что ортогональная система планировки была известна и применялась в колониях еще в VIII в. до н.э., а Гипподам жил в V в. до н.э. (с. 155). Во-вторых, все дело заключается в понимании значения употребленного Аристотелем слова διὰ ἄριστος. Поскольку оно переводится как «деления», то традиционная интерпретация этого слова подразумевает «деление городов на улицы и кварталы». Горман полагает, что контекст второй книги «Политики», где речь идет о двух моделях идеального государства, совершенно ясно говорит о том, что Аристотель имел в виду не физическую планировку городов, а деление людей на классы и деление земли на различные категории (с. 157). Далее автор разбирает данные письменных источников и основанные на них построения ученых о роли Гипподама в планировке возрожденного Милета. Горман указывает, что в источниках сказано лишь то, что Гипподам был милетянином, в них не содержится сведений о его участии в этом мероприятии, но так как исследователи традиционно приписывали ему авторство ортогональной системы планировки, то считалось, что и планировка Милета принадлежит ему (с. 159–160). Горман полагает, что поскольку идея об изобретении ортогональной планировки Гипподамом (как физического деления пространства) отвергнута, то нет оснований и для утверждений, что планировка Милета принадлежит ему (с. 160). Настоящую славу архитектора Гипподам обрел в Пирее, где агора названа его именем (с. 160).

Глава V «Археология и культ» открывается параграфом «Городская стена», посвященным обзору археологических данных и литературных свидетельств о строительстве укреплений в Милете, отмечается их полное соответствие друг другу (с. 166–167). Параграф «Культы в Милете» начинается с рассмотрения культа покровителя города Аполлона Дельфиния, из числа жрецов которого (мольпов) избирался городской эпоним (после 549 г. до н.э.). Горман останавливает свое внимание на предлагаемых античными авторами этимологиях эпитета «Дельфиний», возводимых к слову «дельфин», но не рассматривает этимологий, предлагаемых современными исследователями, ограничиваясь констатацией, что значение его неизвестно, так как слово это негреческого происхождения (с. 171). Затем Горман разбирает свидетельства календаря жертвоприношений³⁸ о культах других божеств, которые почитались в Милете, и данные археологии о культовых сооружениях, посвященных этим божествам (с. 172–175).

В отдельном параграфе рассматривается Декрет мольпов и процессия в Дидимы³⁹. Горман приводит надпись целиком и дает свой перевод и комментарий. Декрет состоит из четырех частей: преамбула (сткк. 1–6), предписания по совершению ритуалов новому эсимнету мольпов при вступлении в должность (сткк. 6–18), описание процессии в Дидимы (сткк. 18–31) и права и обязанности Онитавдов (сткк. 31–40); строки 40–45 – различного рода дополнения (с. 176–181).

В параграфе «Дидимы» дается описание второго по значению после Дельф оракула – Дидимейона (или Бранхидов – название по имени наследственных жрецов). Горман приводит мифологические свидетельства об основании оракула, а также этимологии обоих названий. По мнению автора, святилище очень древнее, а название Дидима – карийское (с. 187–188).

³⁸ Kawerau, Rehm 1914: Milet 1.3. № 31a.

³⁹ Kawerau, Rehm 1914: Milet 1.3. № 133.

Параграф «Город и Калабак-тепе» представляет собой сводку археологических данных о местах расселения и сооружениях начиная с эпохи архаики (Львиная бухта, Северный Рынок, Театральный холм, Театральная бухта и др.). В результате раскопок стало известно, что территория вокруг Львиной бухты в классическое время была важным густонаселенным городским центром, а не периферией, как считалось раньше (с. 196).

Раскопки на Калабак-тепе показали, что начиная с VIII в. до н.э. южный склон холма был жилой территорией, вокруг которого в архаическое время была сооружена стена (с. 204–205). В результате археологических исследований были обнаружены культовые сооружения: храм Артемиды Китоны, святилище некоего хтонического божества, теменос (с. 205–206).

В параграфе «Некрополь» Горман описывает местонахождение и находки из милетских некрополей. До недавнего времени было известно два некрополя: микенского времени на Дегирман-тепе и эллинистический на Казар-тепе (с. 206); единственное известное архаическое погребение, получившее название «Могила тирана» (из-за своих размеров) или «Львиная могила» (по двум маркирующим статуям львов), найдено на Казар-тепе (с. 206–207). Местными жителями был обнаружен основной городской некрополь архаической эпохи к востоку от Казар-тепе (с. 207), мимо которого пролегал Священная дорога в Дидимы.

Параграф «Памятники на хоре» представляет описание поселений и мест отправления культа, расположенных на хоре Милета: алтарь Посейдона на мысе Монодендрии; святилище Афродиты на Зейтин-тепе; поселение и храм Афины на Менгерев-тепе; городище, расположенное в 7 км к юго-востоку от Милета и отождествляемое археологами с Ассесом. В заключение Горман приводит данные о росте численности населения Милета и расширении занимаемой городом территории в V в. до н.э. (с. 211–212).

Глава VI «Пятый век» состоит из двух параграфов; первый – «Восстание и революция» – излагает события политической истории после того, как, будучи сначала союзником Афин по Делосскому союзу, Милет, недовольный проводимой Афинами политикой, восстал. Афины отреагировали на это событие с характерной суровостью, увеличив денежные и военные повинности и изменив конституцию путем установления новых политических институтов по своему образцу. И если сам факт изменения конституции ни у кого не вызывает сомнений, то по вопросу обстоятельств и деталей этого изменения у исследователей нет единого мнения. Взгляды ученых расходятся по следующим вопросам: было ли правление в Милете в первой половине V в. до н.э. олигархическим или демократическим, которое сменилось сначала олигархией, а затем опять демократией; сколько раз Милет восставал против участия в Делосском союзе – один или два; когда было установлено демократическое правление в Милете, просуществовавшее до конца этого века. Хотя для ответа на эти вопросы используются одни и те же эпиграфические источники, но выводы зависят от трактовки данных этих документов. Для определения *terminus ante quem* для установления демократии в Милете служат два *leges sacrae* (SGDI, № 5496; Hermann 1970, 166–167). Первый закон относится к 380/379 г. до н.э. и содержит традиционную формулу афинских постановлений и название афинской филы. Второй датируется более ранним временем – 430-ми годами до н.э. (с. 217). Оба закона свидетельствуют о том, что демократия афинского образца была установлена в Милете к 437/6 г. до н.э. и под непосредственным афинским влиянием (с. 219–220), а также косвенно о том, что и в конце V в. до н.э. в Милете продолжала существовать демократия, поскольку вряд ли милетяне после окончательного выхода из Делосского союза (412 г. до н.э.) сохраняли бы такие изменения своей конституции (с. 217).

Следующий момент, который подробно разбирает Горман, – это определение времени перехода от традиционного олигархического правления к демократии. *Terminus post quem* для этого перехода дает декрет мольпов⁴⁰. В первых его строках упомянуты три старые олигархические филы, что свидетельствует о существовании олигархического правления на момент издания декрета (450/49 г. до н.э.) и со времени повторного основания Милета в 479 году до н.э. (с. 219, 221). Высказав это предположение, Горман вступает в полемику с теми, кто считает декрет мольпов анахроничным и что олигархические черты сохранены в нем в силу присущего религиозным делам консерватизма, а сам декрет появился при демократии (с. 219–220). В подкрепление своей точки зрения Горман приводит свидетельства нарративной традиции (Ps.-Xen. Ath. pol. 3.11; Thuc. I. 108. 2–3; 113. 2–4) о поддержании Афинами олигархических режимов, а не демократических. Поскольку вмешательство Афин во внутренние дела Милета, Беотии, Спарты по поддержанию существовавших там олигархий в середине V в. до н.э. продлились недолго и закончились неудачей, Афины изменили свою тактику и стали насаждать демократические режимы (с. 222). Горман также исследует списки фороса (в какие годы милетяне платили его, а в какие они отсутствовали в податных списках; был ли форос постоянным или изменялся), чтобы найти подтверждение гражданскому статусу в Милете в 454/3 г.

⁴⁰ Kawerau, Rehm 1914: Milet 1.3. № 133.

до н.э., но из-за плохой сохранности и проблем интерпретации эти документы не всегда могут дать однозначный ответ (с. 223–225). Однако о восстановлении порядка в Милете после гражданских распри можно говорить на основании свидетельства афинского декрета, содержащего установления (предписания) для Милета (IG I/3. 21; 450/49 г. до н.э.). Проанализировав этот декрет, Горман приходит к следующим выводам: упомянутые в декрете пританы – демократические магистраты, как и в ранее рассмотренных *leges sacrae*; сама надпись представляет состояние дел после демократической реорганизации правления, упоминания архонта Евтина не датируют надпись годом его пребывания в должности (так как, судя по декрету мольпов, олигархия в Милете существовала по крайней мере до 450 г. до н.э.), а скорее относятся к более ранним шагам, предпринятым Афинами в отношении Милета, т.е. можно говорить о двух вторжениях афинян (первое, проолигархическое, – в 450 г. до н.э., в год архоната Евтина, на что ссылается этот декрет и что отчасти подтверждается списком фороса 454/3 г. до н.э., и второе – как ответ на олигархический мятеж – вскоре после этой даты, оно-то и нашло отражение в декрете об установлениях для милетян) (с. 229).

Рассматривая проблемы, связанные с изменением характера правления в Милете, нельзя обойти вниманием известный декрет об изгнании⁴¹, поскольку этот декрет традиционно рассматривается как результат демократического переворота, покончившего с кланом Нелеидов (имена, упомянутые в декрете, по мнению некоторых исследователей, характерны для представителей династии Нелеидов) (с. 232). Горман оспаривает такую трактовку декрета, приводя следующие аргументы: 1) внешний вид надписи (стела с основным текстом не сохранилась, конец текста, 12 строк, перешел на основание стелы) может свидетельствовать о том, что на стеле помещалась более ранняя надпись, схожая по характеру, а на основании стелы перешла часть более позднего дополнения; 2) упомянутая награда в 100 статеров тому, кто убьет одного из изгнанников (источником выплаты наград служило имущество лишь одной семьи Нимфарета), подразумевает либо то, что награды были редкими, либо что имущество было значительным; 3) поскольку ранее предполагалось, что список осужденных на изгнание значителен (но сохранилась лишь незначительная часть – четыре имени), то удивительно, что имущество только одной семьи Нимфарета служит источником для выплат; вероятно, выделяемый таким образом человек занимал выдающееся положение, но тогда его имя должно стоять в начале списка, а не в конце; 4) исполнение постановлений этого декрета вменялось в обязанность определенным должностным лицам – эпимениям, которые были магистратами и составляли коллегию, осуществлявшую руководство олигархическим советом в течение месяца; 5) место находки стелы с декретом об изгнании (найдена *in situ* на территории Северного рынка ниже классического уровня) и вероятность того, что вверху была более ранняя надпись, указывают на то обстоятельство, что стела была воздвигнута в эпоху архаики на архаической агоре, существовавшей на месте Северного рынка. Все это свидетельствует о том, что декрет был издан традиционной милетской олигархией (или поздней тиранией), но никак не демократией (с. 232–234). Следовательно, данный декрет не содержит сведений ни о гражданском сатисе в Милете, ни о мятеже против Афин, а причиной его появления, по мнению Горман, может быть государственная измена (переговоры о помощи с Персией?) (с. 234–235).

На основе своих трактовок Горман реконструирует хронологическую цепочку политических событий V в. до н.э. таким образом: после Ионийского восстания в первую декаду, когда был восстановлен Милет, правила олигархия. В 450-е годы гражданские распри и политическая напряженность привели к афинскому вторжению в 450/49 г. и изданию постановления во время архоната Евтина, о чем говорится в Афинских установлениях для Милета. Афиняне поддержали правившую олигархию, но после этого она просуществовала недолго. 450 год до н.э. – наиболее приемлемая дата для Декрета об изгнании, так как после периода раздоров олигархией была изгнана некая группа людей за измену; это обстоятельство может служить объяснением возникновения чувства опасности, которое и побудило Афины вторгнуться в Милет. Вскоре после афинского вторжения 450/49 г. и уплаты Милетом фороса в 447/46 г., но до уплаты в 443/2 г. олигархия восстала против Афин за выход из Делосской лиги. Наиболее вероятное время – 446 год до н.э., поскольку в это время Афины были заняты урегулированием дел со своими ближайшими соседями (Беотией, Эвбеей, Мегарами и пр.). Мятеж в Милете был подавлен до времени уплаты половинного фороса в 443/2 г. до н.э., Милет вернулся в Делосскую лигу, олигархическое правление было заменено демократическим, сведения и детали урегулирования конфликта между Милетом и Афинами сохранились в Афинских установлениях для Милета (с. 234–236). Такая реконструкция событий выглядит вполне логичной и обоснованной.

Параграф «Пелопоннесская война и время после нее» представляет собой пересказ хорошо известных событий, в которых Милет принимал участие и которые подробно освещены в литературных источниках, представленных сочинениями Фукидида и Ксенофонта.

⁴¹ Gerkan 1922: *Milet* 1. 6. № 187.

Приложение «Милетские колонии» (с. 243–258) является краткой сводкой данных по милетским колониям (составленной по сведениям античных авторов, данным археологии и научной литературе) и делится на шесть параграфов, объединяющих милетские колонии по географическому принципу (колонии на западе Пропонтиды, южном берегу Пропонтиды, южном берегу Понта, восточном побережье Понта, западном побережье Понта, северном берегу Понта). Для каждой из колоний приводятся: краткое описание местоположения (указывается – существовало ли в данном месте домилетское поселение или нет), природных богатств, время основания (на основе письменных и археологических источников), была ли она основана одними милетянами или совместно с выходцами из других полисов, степень изученности, основные вехи истории колонии. Если есть разногласия в сведениях письменной традиции с данными археологии или в позициях современных исследователей по тому или иному вопросу, это отмечается в каждом конкретном случае. Что касается вопросов, по которым мнение Горман расходится с традиционной точкой зрения, то на них стоит остановиться. Так, например, Страбон (X. 5. 7; XIII. 1. 14) сообщает, что Парий был основан совместно Эритрами, Паросом и Милетом, однако Павсаний (IX. 27) приписывает основание исключительно Эритрам. Ф. Билабель⁴² и Н. Эрхардт⁴³ отрицают роль Милета в основании Пария, ссылаясь на недостаточную исследованность Пария с археологической точки зрения и учитывая состав противоборствующих коалиций во время Лелантинской войны. Горман не считает ни один из приводимых этими авторами доводов существенным, полагая, что столь ранняя дата вывода колонии в местность, освоение которой только начиналось, и тот факт, что Парий находился среди других милетских колоний, скорее свидетельствуют в пользу совместного основания Пария Эритрами, Паросом и Милетом (с. 245–246).

Горман, как Билабель и Грэхем⁴⁴, причисляет Пес и Колоны к милетским колониям (с. 245) на основании свидетельства Страбона (XIII. 1. 19), хотя Эрхардт⁴⁵ исключает Колоны, поскольку Страбон в этом же параграфе допускает ошибку, называя Лампсак милетской колонией, а также принимая во внимание описанное Страбоном место расположения Колон – «в глубине области лампсакцев», а не на побережье, что, по его мнению, было не характерно для милетских колоний.

В отношении Танаиса Горман разделяет мнение Грэхема⁴⁶ и считает возможным причислить его к числу вторичных милетских колоний (с. 255), хотя другие исследователи не включают его, так как сведения в литературной традиции об этом отсутствуют. То же самое можно сказать о Нимфее, Мирмекии и Тиритаке: Горман (с. 257) и Грэхем⁴⁷ относят их к милетским, но ни Билабель, ни Эрхардт не упоминают их. Гермонассу⁴⁸ Горман предположительно причисляет ко вторичным колониям, основанным Пантикапеем (с. 258), но в списке Билабеля она отсутствует. Приложение завершается таблицей «Милетские колонии», в которой указаны даты основания, местоположение и – для случаев вторичной колонии – основатель.

В заключение можно сказать, что монография В. Горман представляет существенный интерес для историков, специалистов в области эпиграфики и археологов, поскольку автор не просто отказывается от устоявшихся стереотипов, подвергает ревизии традиционные точки зрения, но приводит убедительную аргументацию в пользу своих интерпретаций, сопоставляя данные самых разнообразных источников, скрупулезно анализируя детали, но при этом не забывая и о широком историческом контексте.

Литература

Берве Г. 1997: Тираны Греции. Ростов-на-Дону.

Борухович В.Г. 1985: Архаический Милет (проблемы социально-политической истории) // Проблемы политической истории античного общества / Э.Д. Фролов (отв. ред). Л., 4–28.

Кобылина М.М. 1965: Милет. М.

Лаптева М.Ю. 2009: У истоков древнегреческой цивилизации. Иония XI–VI вв. до н.э. СПб.

Суриков И.Е. 2005: Античная Греция. Политики в контексте эпохи. Архаика и ранняя классика. М.

⁴² Bilabel 1920, 49.

⁴³ Ehrhardt 1983, 36–37.

⁴⁴ Bilabel 1920, 50–51; Graham 1982, 161.

⁴⁵ Ehrhardt 1983, 35–36.

⁴⁶ Graham 1982, 162.

⁴⁷ Graham 1982, 161–162.

⁴⁸ См. Ehrhardt 1983, 83.

- Фролов Э.Д. 1986: Эсимнетия – выборная тирания // Проблемы античного источниковедения / Э.Д. Фролов (отв. ред.). М.–Л., 141–152.
- Andrewes A. 1959: *The Greek Tyrants*. L.
- Berve H. 1967: *Die Tyrannis bei den Griechen*. I–II. München.
- Bilabel F. 1920: *Die ionische Kolonisation*. *Philologus*. Suppl. 14. Lpz.
- Boardman J. 1980: *The Greeks Overseas. Their Early Colonies and Trade*. 3rd ed. L.
- Cook J.M. 1962: *The Greeks in Ionia and the East*. L.
- Dunham A. 1915: *A History of Miletus down to the Anabasis of Alexander*. L.
- Ehrhardt N. 1983: *Milet und seine Kolonien. Vergleichende Untersuchung der kultischen und politischen Einrichtungen*. Frankfurt am Main–Bern–New York.
- Fontenrose J. 1978: *The Delphic Oracle: Its Responses and Operations with a Catalogue of Responses*. Berkeley.
- Fontenrose J. 1988: *Didyma: Apollo's Oracle, Cult, and Companions*. Berkeley–Los Angeles.
- Frühes Ionien 2007: Frühes Ionien. Eine Bestandsaufnahme; Panionion-Symposium Güzelçamli, 26. Sept.–1. Okt. 1999 (Milesische Forschungen 5) / J. Cobet, V. von Graeve, W.-D. Niemeier, K. Zimmerman (Hrsg.). Mainz.
- Gerkan A. von 1922: *Milet 1. 6. der Nordmarkt und der Hafen an der Löwenbucht*. B.
- Gerkan A. von 1940: *Zur Lage des Archaischen Milet // Bericht über den VI. Internationalen Kongress für Archäologie*. B., 232–325.
- Gorman V.B. 2001: *Miletos : The Ornament of Ionia: A History of The City to 400 B.C.E.* Ann Arbor.
- Graham A.J. 1982: *The Colonial Expansion of Greece // CAH*. III. 3. 2nd ed. 163–195.
- Greaves A.M. 2002: *Miletos: A History*. L.–N.Y.
- Hammond N.G.L. 1967: *A History of Greece to 332 BC*. 2nd ed. Oxf.
- Herrmann P. 1970: *Zu den Beziehungen zwischen Athen und Milet in 5. Jahrhundert // Klio* 52, 163–173.
- Herrmann P. 1998: *Milet 6. 1. Inschriften von Milet. Teil 2*. B.
- Hiller von Gaertringen F. 1932: *Miletos // RE*. XV. Hlbd 30. 1586–1622 (Geschichte).
- Huxley G.L. 1966: *The Early Ionians*. N.Y.
- Jeffery L.H. 1976: *Archaic Greece: the City-States, c. 700–500 B.C.* N.Y.
- Kawerau G., Rehm A. 1914: *Milet 1. 3. Das Delphinion in Milet*. B.
- Knackfuss H. 1908: *Milet 1. 2. Das Rathaus von Milet*. B.
- Kraus F. 1973: *Milet 4. 1. Das Theater von Milet. Teil 1. Das hellenistische Theater der römische Zuschauerbau*. B.
- Libero L. de 1996: *Die archaische Tyrannis*. Stuttgart.
- Lohmann H. 2007: *Die Chora Milets in archaischer Zeit // Frühes Ionien. Eine Bestandsaufnahme; Panionion-Symposium Güzelçamli, 26. Sept. – 1. Okt. 1999 (Milesische Forschungen 5) / J. Cobet, V. von Graeve, W.-D. Niemeier, K. Zimmerman (Hrsg.). Mainz, 363–392.*
- Murray O. 1980: *Early Greece*. Brighton.
- Niemeier W.-D. 2007a: *Milet von den Anfängen menschlicher Besiedlung bis zur Ionischen Wanderung // Frühes Ionien. Eine Bestandsaufnahme; Panionion-Symposium Güzelçamli, 26. Sept. – 1. Okt. 1999 (Milesische Forschungen 5) / J. Cobet, V. von Graeve, W.-D. Niemeier, K. Zimmerman (Hrsg.). Mainz, 3–20.*
- Niemeier W.-D. 2007b: *Westkleinasien und Ägäis von den Anfängen bis zur Ionischen Wanderung. Topographie, Geschichte und Beziehungen nach dem archäologischen Befund und den hethitischen Quellen // Frühes Ionien. Eine Bestandsaufnahme; Panionion-Symposium Güzelçamli, 26. Sept. – 1. Okt. 1999 (Milesische Forschungen 5) / J. Cobet, V. von Graeve, W.-D. Niemeier, K. Zimmerman (Hrsg.). Mainz, 37–96.*
- Rehm A., Herrmann P. 1997: *Milet 6. 1. Inschriften von Milet. Teil 1*. B.
- Roebuck C. 1959: *Ionian Trade and Colonization*. N.Y.
- Romer F. 1982: *The Aisymnēteia: A Problem in Aristotle's Historical Method // AJPh* 103, 25–46.
- Senff R. 2007: *Die Ergebnisse der neuen Grabungen im archaischen Milet – Stratigraphie und Chronologie // Frühes Ionien. Eine Bestandsaufnahme; Panionion-Symposium Güzelçamli, 26. Sept. – 1. Okt. 1999 (Milesische Forschungen 5) / J. Cobet, V. von Graeve, W.-D. Niemeier, K. Zimmerman (Hrsg.). Mainz, 319–326.*
- Tuchelt K. 2007: *Überlegungen zum archaischen Didyma // Frühes Ionien. Eine Bestandsaufnahme; Panionion-Symposium Güzelçamli, 26. Sept. – 1. Okt. 1999 (Milesische Forschungen 5) / J. Cobet, V. von Graeve, W.-D. Niemeier, K. Zimmerman (Hrsg.). Mainz, 393–412.*

Weber B.F. 2007: Der Stadtplan von Milet // Frühes Ionien. Eine Bestandsaufnahme; Panionion-Symposium Güzelçamlı, 26. Sept. – 1. Okt. 1999 (Milesische Forschungen 5) / J. Cobet, V. von Graeve, W.-D. Niemeier, K. Zimmerman (Hrsg.). Mainz, 327–362.

Wiegand T., Wilski P. 1906: Milet 1. 1. Karte der Milesischen Halbinsel. B.

Е.И. Соломатина,
научный сотрудник Отдела сравнительного изучения
древних цивилизаций Института всеобщей истории РАН

© 2011 г.

Practitioners of the Divine. Greek Priests and Religious Officials from Homer to Heliodorus / Ed. by B. Dignas and K. Trampedach. Center for Hellenic Studies. Trustees for Harvard University (Washington, DC). Cambridge (Mass.) – London: Harvard University Press, 2008. 285 p.

В рецензируемом сборнике опубликованы материалы международной конференции «Греческие жрецы от Гомера до Юлиана», проходившей 25–28 августа 2003 г. в Вашингтоне. Конференция была организована Центром эллинских исследований Гарвардского университета под руководством директора Центра Грегори Надя, Беаты Дигнас (Оксфорд) и Кая Трампедеха (Констанц). В конференции приняли участие ведущие ученые из университетов Гарварда, Нью-Йорка, Принстона, Оксфорда, Цюриха, Эдинбурга, Констанца, Фрайбурга, Мюнстера.

Во вводной статье сборника «Кто такой греческий жрец?» А. Хенрихс отметил, что до сих пор в науке нет четкого определения термина *hierēus*. За два последних столетия было решено, что термин *hierēus* – наиболее подходящий языческий эквивалент обозначения христианского священнослужителя (priest). Но чем *hierēus* отличается от *hieropoios*, *hierothutēs*, *arētēr*, *theopropos*, *mantis*? Можно ли считать прорицателя (*mantis*) жрецом или нет? В приложении к статье автор собрал определения греческого термина «жрец», принадлежащие наиболее авторитетным исследователям античной религии за период 1825–2000 гг. Одни связывают жрецов прежде всего с отправлением молитвы и жертвоприношений (К. Мюллер, Х.А. Лобек, К. Герман, Ф. Ницше), другие больше обращают внимание на их компетентность в ритуальных вопросах (М. Нильсон, Р. Гарланд, Ж. Бреммер). Некоторые исследователи главным в определении «жречества» считают посреднические функции между божественной и земной сферами (К. Герман, П. Штенгель, Л. Жерне, Ж. Бреммер, К. Сурвину-Иввуд). Так или иначе, единогласие в данном вопросе пока не достигнуто.

А. Ханиотис в статье «Жрецы как знатоки ритуала в греческом мире» задается вопросом: должны ли были жрецы быть знатоками ритуала или они выполняли свои функции более или менее автоматически, руководствуясь существующими общими правилами? Автор основывает свои выводы преимущественно на эпиграфическом материале из разных районов греческого Средиземноморья. В тех случаях, когда жрец получал должность путем выбора, жеребьевки или покупки, знание ритуала не было необходимым. Существовали правила, следуя которым новичок мог исполнять свои функции. Автор приводит примеры надписей, содержащих подробные предписания для жрецов, достаточные для тех, кто временно занимал жреческую должность. Многие люди были жрецами в течение многих лет – к таким нередко относились состоятельные граждане, которые вкладывали в отправление культа немалые деньги и за свою щедрость удостоивались почестей от гражданского коллектива, занимая одну и ту же должность иногда даже пожизненно. В таких случаях знание деталей ритуала неизбежно приходило с годами.

Существовали культы, которые с древности были закреплены за определенными родами; совершенно естественно, что члены этих фамилий обязаны были знать ритуал как свою «наследственную» работу. Глубоких познаний, безусловно, требовали мистические культы и магические ритуалы. А. Ханиотис выделяет группу жрецов, изучавших ритуалы в силу своего личного благочестия: в посвященных им надписях особое внимание обращается на те или иные детали ритуала, а в некоторых надписях прямо говорится, что тот или иной жрец возрождал древние традиции. Наконец, существовало огромное количество особых местных ритуалов, и для их совершения, несомненно,